

К ЗНАНИЮ ЧЕРЕЗ ДОБРОДЕТЕЛИ: ОБ ОСНОВАНИЯХ АРЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ*

Каримов Артур Равилович – доктор философских наук, заведующий кафедрой. Казанский федеральный университет. Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18. Профессор. Университет Иннополис. Российская Федерация, 420500, г. Иннополис, ул. Университетская, д. 1; e-mail: arrkarimov@kpfu.ru

По общему мнению, эпистемология добродетелей (virtue epistemology) совершает ценностный поворот в современной аналитической эпистемологии. В данной статье этот поворот эксплицируется через трансформацию понимания эпистемических ценностей и ценности эпистемических феноменов. В первом смысле речь идет о том, как поменялся взгляд на то, от чего зависит эпистемическая ценность таких категорий, как истина, знание, понимание и т.п. Во втором смысле речь идет о том, какова ценность наших эпистемических понятий: для чего нужно истинное убеждение, знание и т.д.? Показывается, как каузальная связь между нашими убеждениями и интеллектуальными добродетелями позволяет объяснить природу и ценность знания как центральной категории эпистемологии. Выявлено различие между основными направлениями эпистемологии добродетелей сквозь призму двух разных подходов к обоснованию ценностей: ценностный интернализм и ценностный экстернализм. Ценностный экстернализм предполагает, что состояние/мотив/действие получают ценность от чего-то находящегося за пределами сознания человека. Напротив, ценностный интернализм считает, что условия, определяющие ценность, являются внутренними для сознания. Для релейбилизма ценность когнитивного успеха состоит в его каузальной связи с надежными компетенциями субъекта, для респонсибилизма – с добродетельными мотивами познавательной деятельности. Общим для релейбилизма и респонсибилизма является то, что они смещают фокус с ценности следствия (истины) на ее связь с ценностью причины – способности или превосходной черты интеллектуального характера. Анализируются основные подходы к обоснованию фундаментальной ценности знания в эпистемологии добродетелей. Если для релейбилизма высшей эпистемической ценностью является истина как когнитивное достижение, то для респонсибилизма ценность эпистемических категорий прежде всего в их моральной значимости – достижении благой жизни и счастья (звездимонии). В заключение сформулированы основные трудности эпистемологии добродетелей и показаны перспективные направления ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: эпистемология, эпистемология добродетелей, знание, эпистемические ценности, релейбилизм, респонсибилизм

* Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

THROUGH VIRTUES TO KNOWLEDGE: ON THE FOUNDATIONS OF ARETAIC APPROACH IN EPISTEMOLOGY

Artur R. Karimov – Dsc
in Philosophy, Associate
Professor.
Kazan Federal University.
18 Kremlevskaya St., Kazan
420008, Russian Federation.
Professor.
Innopolis University.
1 Universitetskaya St.,
Innopolis 420500, Russian
Federation;
e-mail: arrkarimov@kpfu.ru

By all accounts, virtue epistemology is making a value turn in contemporary analytic epistemology. In this article, this twist is explicated through the transformation of the understanding of epistemic values and the value of the epistemic. In the first sense, we are talking about how the view has changed on what determines the epistemic value of such categories as truth, knowledge, understanding, etc. In the second sense, we are talking about the value of our epistemic concepts (the value of the epistemic): what is true belief, knowledge, etc. for? It is shown how the causal link between our beliefs and intellectual virtues allows us to explain the nature and value of knowledge as a central category of epistemology. The author reveals the difference between the main types of virtue epistemology through the prism of two different approaches to the justification of values: value internalism and value externalism. Value externalism assumes that a state/motive/action gains value from something outside of a person's consciousness. In contrast, value internalism holds that the conditions that determine value are internal to consciousness. For reliabilism, the value of cognitive success lies in its causal connection with the reliable competences of the subject, for responsibilism – with virtuous motives of cognitive activity. Common to reliabilism and responsibilism is that they shift the focus from the value of an effect (truth) to its relationship with the value of a cause – an ability or excellent trait of intellectual character. The main approaches to substantiating the fundamental value of knowledge in virtue epistemology are analyzed. If for reliabilism the highest epistemic value is truth as cognitive achievement, then for responsibilism the value of epistemic categories is primarily in their moral significance – the achievement of a good life and happiness (eudaimonia). In conclusion, the problematic aspects of virtue epistemology are formulated and promising directions for its further development are shown.

Keywords: epistemology, virtue epistemology, knowledge, epistemic values, reliabilism, responsibilism

Эпистемологию добродетелей (ЭД) как направление в современной англо-американской аналитической эпистемологии можно определить как набор концепций, объединенных тем, что в решении основных проблем эпистемологии центральную роль должны играть интеллектуальные, или эпистемические, добродетели. При этом в самой ЭД является предметом разногласия: 1) что относится к основным проблемам эпистемологии, 2) каковы сами интеллектуальные добродетели и 3) в чем заключается их роль для познания. Несмотря на продолжающиеся дискуссии, все же вполне можно говорить об ЭД как о динамично развивающемся направлении

в эпистемологии со своим специфическим предметным полем, категориальным аппаратом и характерным стилем. В российской философии интерес к данному направлению постепенно растет. Ранее этому направлению был посвящен тематический номер журнала «Epistemology and Philosophy of Science» (2017, № 3), включивший статьи И.Г. Гаспарова и К.В. Карпова. Имеются другие публикации [Прись, 2017; Шевченко А.А., 2017; Долматов, 2018; Каримов, 2019; Карпов, 2019; Касавин, 2020а; 2020б; 2020в; Костина, 2020; Шевченко С.Ю., 2020; Шевченко, Тухватулина, 2020]. Данная статья предлагает развернутое обсуждение основных концепций эпистемологии добродетелей сквозь призму понятия эпистемической ценности.

Ценностный поворот: что это значит?

Исследователи отмечают, что современная аналитическая философия во многих аспектах порывает с программой ранней аналитической философии и ее новая идентичность ведет ее к сближению с классической философской традицией [Васильев, 2019]. Одним из симптомов этого сближения является возвращение к ценностной проблематике, которое началось в 80–90-х гг. прошлого века в аналитической эпистемологии. Характеризуя данный процесс как аксиологический поворот, И.Т. Касавин отмечает, что в аналитическую эпистемологию возвращаются понятия из сферы норм и ценностей, которые ранее не рассматривались как часть предмета эпистемологии, поскольку они не оцениваются с точки зрения истины [Касавин, 2020в].

Понятие «ценность» в эпистемологии можно трактовать по-разному [Pritchard, 2013]. С одной стороны, считать что-то ценностью означает придавать ему определенный тип ценности (в данном случае эпистемическую). С другой стороны, вопрос об эпистемической ценности – это вопрос о том, какую ценность имеют наши эпистемические категории (истина, знание, обоснование и т.п.). В первом случае речь идет об эпистемической ценности, во втором – о ценности эпистемических феноменов. Например, истинное убеждение может быть ценным само по себе или ценным за пределами эпистемического домена, например, иметь практическую, этическую или эстетическую значимость.

В соответствии с этим разделением можно определить два направления, в которых развивается «ценностный поворот» в эпистемологии. Первое, это особое внимание к проблеме эпистемической ценности понятий из репертуара эпистемологии. Например, когда мы спрашиваем, позволяет ли нам решить проблему Геттьера добавление к нашему определению знания некоего условия x , то мы спрашиваем об эпистемической ценности условия x . В данном ключе можно

трактовать утверждение Загзебски, что знание – это *хорошее* истинное убеждение и что различия в определении знания в эпистемологии связаны прежде всего с тем, как различные авторы трактовали, что делает истинное убеждение достаточно «хорошим» [Zagzebski, 2017].

Во втором смысле мы можем спросить: для чего нужно истинное убеждение? несем ли мы моральную ответственность за наши убеждения? имеют ли наши интеллектуальные установки ценность сами по себе, в независимости от того, правы ли скептики по поводу познаваемости мира? Допустим, кто-то может утверждать, что предположение о том, что мы находимся в мире, в котором нас систематически обманывает Злой Демон, не отменяет того, что мы должны быть добродетельными в наших убеждениях – проявлять интеллектуальную честность, настойчивость в достижении истины, мужество бросить вызов авторитету и т.д.¹ Подобный подход предполагает, что несмотря на то, что все наши убеждения потенциально обречены на то, чтобы быть систематически ложными, будет само по себе ценно иметь определенные интеллектуальные установки или добродетели. Подобная ценность может быть обусловлена нашим пониманием достоинства личности или тем, что эти интеллектуальные качества являются продолжением наших моральных достоинств.

Особенностью этого ценностного поворота, который совершает ЭД, является ее субъектоцентрированность, проявляющаяся в том, что в качестве эксплананса в эпистемологии используются понятия, относящиеся не к свойствам абстрактных пропозиций, а ценностным свойствам познающего: интеллектуальные добродетели, интеллектуальные пороки, когнитивное достижение, когнитивная заслуга, превосходные черты интеллектуального характера и т.п. Главным понятием в этом списке является восходящее еще к Аристотелю понятие «интеллектуальная добродетель»². Что же собой представляют «интеллектуальные добродетели»?

Единственное, в чем согласны представители ЭД, это что добродетели есть некие когнитивные совершенства. Дальше начинаются различия. Когда мы говорим о нормативности эпистемологии, то эту нормативность можно понимать по-разному. Есть экстерналистская версия с акцентом на результаты познавательной деятельности, максимизацию истинных убеждений по сравнению с ложными. Эта линия традиционно ассоциируется с направлением «релейбилизм»³, поскольку в нем в качестве «добродетелей» провозглашаются наши надежные познавательные способности: хорошее зрение, слух, память и т.п. Есть линия, культивирующая интеллектуальную ответственность, т.е. версия

¹ На такой позиции настаивает, например, Дж. Монтмаркет.

² По-гречески добродетель – «ἀρετή», т.е. некое совершенство, превосходство. Отсюда часто этот подход в литературе именуется «аретический».

³ От англ. – надежный.

с акцентом на мотивы интеллектуальной деятельности, скорее интерналистская. Под интеллектуальными добродетелями здесь понимаются превосходные качества интеллектуального характера: любовь к истине и знанию, открытость ума, интеллектуальное мужество, интеллектуальное смирение и т.д. Благодаря Л. Коуд это направление получило название «респонсибилизм»⁴. Наконец, есть смешанные версии, попытка найти *via media* между релейбилизмом и респонсибилизмом. К таким концепциям относится, например, персонализм [Battaly, 2016]. Как и в респонсибилизме, в персонализме утверждается, что интеллектуальные добродетели являются личными (personal) качествами индивида, но персонализм не предполагает, что агент всегда несет ответственность за обладание добродетелями и пороками.

Как понимаются эпистемические ценности с точки зрения релейбилизма и респонсибилизма? Представляется, что именно ответ на этот вопрос наилучшим образом позволит охарактеризовать как сами эти направления, так и прояснить, как определяются центральные понятия эпистемологии в контексте ЭД, и конкретизировать суть провозглашаемого в ЭД аксиологического поворота.

Релейбилизм: ценность убеждения обязана способности

Какую роль с точки зрения релейбилизма играют добродетели в процессе познания? Для ответа на этот вопрос обратимся к проблеме ценности знания в релейбилизме. Как известно, сократовский ответ на вопрос о том, в чем ценность знания по сравнению с просто истинным убеждением, состоит в том, что знание – это истинное убеждение с обоснованием. Релейбилизм можно рассматривать как один из подходов к определению обоснования. Согласно классическому релейбилизму, обоснование знания есть функция от надежности процесса или процессов, где в первом приближении надежность процессов состоит в тенденции процесса с большей вероятностью продуцировать истинные убеждения [Goldman, 1979]. Такая теория получила название процессуальный релейбилизм (process reliabilism). С точки зрения релейбилизма знание можно определить как: 1) убеждение, т.е. ментальное состояние, 2) оцениваемое как истинное и 3) сформированное надежным когнитивным процессом. Позже Э. Соса называет наши надежные когнитивные способности «добродетелями» (virtues), породив тем самым эпистемологию добродетелей.

Проблема заключается в том, что в сформулированном виде релейбилизму, по-видимому, не удастся решить проблему ценности

⁴ От англ. – ответственный.

знания. Если ценность надежных познавательных способностей состоит лишь в том, что они позволяют увеличить у нас соотношение истинных и ложных убеждений в пользу первых, то такая позиция уязвима перед т.н. проблемой поглощения (*swamping problem*)⁵, суть которой в том, что ценность истины, по всей видимости, поглощает всякую иную эпистемическую ценность. Лучше всего эту проблему для релейбилизма формулирует Л. Загзебски. Если мы ценим хороший кофе, то относительно данной чашки кофе, при условии, что он хороший, какая в принципе разница, произведен ли он надежной кофемашиной или ее дешевым аналогом? Точно так же, если истина есть конечная цель, то должно быть безразлично, является ли истинное убеждение результатом проявления добродетели или нет.

Современные версии релейбилизма, которые можно объединить термином «агентный релейбилизм» (Э. Соса, Дж. Греко, Д. Притчард), предлагают несколько иной подход. В отличие от процессуального релейбилизма, агентный релейбилизм постулирует наличие особой связи между надежными когнитивными способностями и познающим агентом. Для агентного релейбилизма есть существенное различие между: 1) убеждением, которое является истинным и сформированным добродетельно и 2) убеждением, которое истинно *благодаря* тому, что оно сформировано добродетельно.

Для иллюстрации такой позиции Э. Соса проводит аналогию с выступлением балерины. Если мы восхищаемся грациозными движениями танцовщицы, то мы будем неприятно удивлены, если узнаем, что на самом деле она была в наркотическом опьянении, а ее движения были спотыканиями, а не продуктом артистического превосходства. Таким образом Соса переворачивает фокус с ценности следствия на ценность причины: «Мы предпочитаем действие истинного убеждения, где не только само убеждение, но и его истинность приписываются агенту как его или ее действие» [Sosa, 2002, p. 21].

В схожем ключе рассуждает Дж. Греко. По Греко, ценность знание придает то, что этот когнитивный процесс можно поставить в заслугу субъекту, в то время как просто истинное убеждение (случайно оказавшееся таковым) – нет. Ключевым в концепции Греко является понятие достижения, которое определяется им как успех благодаря способности [Greco, 2010]. Если знание есть когнитивный успех благодаря когнитивной способности, то знание есть некое достижение.

Концепции Соса и Греко относятся к сильной, или жесткой (*robust*), разновидности эпистемологии добродетелей, согласно которой можно исчерпывающим образом объяснить знание в терминах истинного убеждения, сформированного благодаря эпистемически добродетельному процессу формирования убеждения. Эта концепция претендует также на решение проблемы Геттёра. Если истинное

⁵ Термин, введенный Дж. Кванвигом [Kvanvig, 2003].

убеждение приписывается способностям субъекта в самом определении знания, то стандартные кейсы Геттьера не являются контр-примерами для такой теории, ведь в них нет прямой связи между истинностью убеждения и когнитивными способностями субъекта. Однако проблемными для сильной эпистемологии добродетелей могут быть кейсы, в которых удача зависит от условий окружающей среды. Допустим, субъект смотрит на амбар и благодаря своим надежным когнитивным способностям формирует истинное убеждение, что перед ним амбар. Но амбар, на который он смотрит, является единственным реальным амбаром в этой местности. Все остальные амбары фальшивые. [Brueckner, 2010]. Подобные контрпримеры ставят серьезную проблему перед любой теорией, опирающейся на понятие способностей, и, в частности, перед ЭД. Ведь для успешной реализации способности требуется подходящая окружающая среда. Ответом на данное возражение может быть включение фактора среды в определение того, как функционируют способности субъекта. Например, если Тайгер Вудс имеет надежную способность в игре в гольф загонять мяч в лунку с десяти метров, то это предполагает соответствие некоторым условиям, а именно, что не должно быть ураганного ветра и т.п. [Greco, 2010, p. 959].

Д. Притчард предлагает в ответ на данный вопрос концепцию, которую он называет «противоудачная эпистемология добродетелей» (*anti-luck virtue epistemology*). Вместо того чтобы инкорпорировать антигеттьеровское условие в ЭД (попытки чего Притчард считает заранее обреченными на неудачу), предлагается признать два независимых друг от друга и одинаково необходимых условия обладания знанием: 1) знание есть результат проявления способности (ЭД-условие) и 2) несовместимость знания и удачи. Для соответствия второму условию вводится требование безопасности, т.е. чтобы убеждение не легко оказалось ложным. Понятие «безопасности» (*safety*) убеждения было предложено Э. Соса [Sosa, 2007, p. 276].

Тем не менее остается главный вопрос: почему вообще причина возникновения убеждения должна иметь значение для его эпистемической ценности? По мнению Б. Брогаард, эта проблема возникает только, если мы придерживаемся муровской концепции ценности, согласно которой, если две вещи имеют одинаковые внутренне присущие им свойства, они одинаково ценны. Однако нечто может быть ценным благодаря связи с иными объектами [Brogaard, 2007]. Например, мы будем больше ценить платье принцессы Дианы, чем его точную копию, именно потому, что оно связано с принцессой Дианой. В данном случае ценность причины переносится на ценность связанного с ней продукта. По аналогии, ценность истинного убеждения, полученного благодаря интеллектуальной добродетели, выше, чем ценность просто истинного убеждения, несмотря на то, что в обоих случаях внутренняя ценность убеждения не меняется.

Некоторые представители релейбилизма, в частности Притчард, полагают, что, возможно, фокус с проблемы ценности знания следует переместить на проблему ценности понимания [Pritchard, 2010, р. 66]. Понимание претендует на то, чтобы обладать финальной ценностью потому, что оно не просто когнитивное достижение (что может включать в себя случаи тривиального знания), а когнитивное достижение, ценность которого кажется качественно отличной от ценности истинного убеждения. Если знание – это о том, что дела обстоят так-то и так-то, то понимание – это о том, почему они обстоят так. Представляется, что здесь возможна сцепка релейбилизма с респонсибилистским подходом, поскольку понимание имеет отчетливый интерналистский аспект (нельзя понимать без осознания того, что и как ты понимаешь). Кроме того, понимание предполагает активное участие субъекта, и его успех зависит от понятий, которые традиционно входят в словарь респонсибилизма: интеллектуальной открытости, смирения, настойчивости, мужества и т.п.

Респонсибилизм: любовь к истине как ценность

Какую роль с точки зрения респонсибилизма играют добродетели в процессе познания? Чтобы понять это, необходимо поставить вопрос, что придает эпистемическим добродетелям ценность? Выше мы уже перечислили ряд свойств субъекта, которые традиционно относятся к добродетелям в респонсибилизме: любовь к истине, интеллектуальная открытость и т.п. В чем их основное отличие в ценностном отношении от наших надежных когнитивных способностей (зрение, слух и т.п.)?

Первое отличие состоит в том, что они имеют отношение к мотивам убеждения, а не к его результатам. Это обусловлено доминирующим в респонсибилизме убеждением, что эпистемологию добродетелей следует строить по модели аристотелевской этики добродетели⁶. Так же как в этике добродетели, ценность поступка неотделима от ценности его внутренней мотивации, ценность убеждения неотделима от его мотивов. Таким образом, анализируя убеждения субъекта, мы анализируем его самого как личность (в интеллектуальном отношении). Убеждения точно так же, как и поступки, могут оказаться

---

⁶ Отметим, что не все сторонники респонсибилизма рассматривают эпистемические ценности по модели этики добродетелей. Например, К. Кассам придерживается консеквенциалистской трактовки эпистемических пороков. По Кассаму, интеллектуальные пороки – это такие дефекты ума, которые препятствуют нашему познанию, т.е. в его концепции делается акцент скорее на последствиях эпистемических пороков для познания, чем на их мотивах [Cassam, 2019].

«хорошими» или «плохими», в зависимости от того, являются ли они проявлением добродетели или порока.

Второе отличие в понимании добродетелей в респонсibiliзме заключается в том, что черты интеллектуального характера являются не врожденными (как зрение и слух), а приобретенными. Конечно, мы можем восхищаться врожденными способностями и талантами, например ростом баскетболиста или гениальностью ученого, но приобретенные черты (мужество, честность и т.п.) оцениваются иначе. Загзебски определяет интеллектуальные добродетели как заслуживающие восхищения (*admirable*) черты характера [Zagzebski, 2018]. По мнению Загзебски, это определение подтверждается нашей оценкой дефектов. В отличие от приобретенных отрицательных черт характера, врожденные дефекты не вызывают у нас осуждения.

Какова ценность интеллектуальных добродетелей в отношении иных эпистемических категорий, прежде всего истины? По этому вопросу существует три позиции. Первую позицию можно условно назвать ценностным интернализмом: интеллектуальные мотивы, например устремленность к истине, имеют ценность независимо от результата (Дж. Бейер, Дж. Монтмаркет). Вторая позиция – ценностный экстернализм: черты характера являются интеллектуальными добродетелями, если они систематически (надежно) производят истинное убеждение (Дж. Драйвер). Третья точка зрения – интеллектуальные мотивы имеют внутреннюю ценность, но только как составляющие истинных убеждений, ведущих к знанию. Как пишет Загзебски, «цель открытости ума быть отзывчивым к новым идеям, чтобы в конце концов получить знание. Цель интеллектуальной тщательности исчерпывающе изучить свидетельства в пользу конкретного убеждения, чтобы в конце концов обрести знание. Цель интеллектуального мужества защищать свою позицию и бесстрашно отвечать на возражения других, чтобы в конце концов получить знание» [Zagzebski, 1996, p. 269].

Отличительной особенностью респонсibiliзма также является то, что ценность интеллектуальных добродетелей, и, шире, ценность эпистемических феноменов, выходит за рамки познавательной сферы и связывается с достижением иных типов ценностей, прежде всего моральных. Это неудивительно, поскольку интеллектуальные добродетели не рассматриваются здесь в отрыве от моральных, а часто как их продолжение. Как полагает Л. Загзебски, поиск истины в первую очередь необходим для достижения моральных благ, а последние в свою очередь необходимы человеку для достижения счастья (эвдемонии) [Zagzebski, 2003]. Подобной позиции придерживается Дж. Робертс. Он полагает, что фундаментальную эпистемическую ценность имеет не всякое знание, а прежде всего то, которое помогает в достижении таких финальных ценностей, как благосостояние человечества, справедливость, дружба и счастье [Roberts, 2007, pp. 152–182].

Особое место в репертуаре респонсбилизма занимают понимание и мудрость как значимые эпистемическим блага. Что касается понимания, то Загзебски, так же, как и Притчард, сетует на то, что в аналитической эпистемологии споры вокруг возможности знания и его определения оставили в тени категорию понимания [Zagzebski, 2001]. При этом между ними существует разница во взглядах на природу понимания. Если Загзебски считает понимание нефактивным и имеющим иммунитет кейсам Геттьера, то Притчард защищает противоположные позиции.

Важность мудрости как центральной интеллектуальной метадобродетели обосновывает уже Л. Коуд, которая впервые ввела термин респонсбилизм. Согласно Коуд, мудрость включает в себя эпистемическую ответственность, знание того, какие интеллектуальные цели имеют ценность, и понимание интеллектуального контекста [Code, 1984]. Л. Загзебски и Дж. Робертс также утверждают, что практическая мудрость представляет собой одно из главных интеллектуальных благ, сопровождая все остальные добродетели как способность выносить суждение по поводу их применимости в конкретной ситуации.

Эпистемология добродетелей: некоторые проблемы

Возражения против эпистемологии добродетелей можно поделить на две группы: метатеоретические и теоретические. Метатеоретические возражения ставят под сомнение правомерность рассмотрения добродетелей в рамках эпистемологии в принципе. Теоретические возражения – это указания на те проблемные моменты, которые возникают из попыток трактовки традиционных проблем эпистемологии в терминах добродетелей и пороков.

Метатеоретическое возражение в адрес ЭД наилучшим образом сформулировал Т. Дугерти: «Дилемма состоит в следующем. “Интеллектуальные добродетели”, трактуемые в эпистемологии добродетелей, понимаются либо как респонсбилистские, либо как релайбилистские. Однако подходящая область исследований для интеллектуальных добродетелей в понимании релайбилистов – это когнитивная психология, а в понимании респонсбилистов – это этика. Таким образом, подходящая сфера изучения интеллектуальных добродетелей – это либо когнитивная психология, либо этика. Однако ни когнитивная психология, ни этика не являются эпистемологией. Таким образом, подходящая сфера для изучения интеллектуальных добродетелей не есть эпистемология. Плюралисты, поддерживающие оба вида интеллектуальных добродетелей, столкнутся с обоими рогами дилеммы» [Dougherty, 2019, pp. 4467–4468].

Теоретические возражения можно разбить на несколько под-групп: относящиеся к релейбилизму, к респонсибилизму, к смешанным теориям и общие возражения. Кратко сформулируем наиболее важные из них.

Возражения к релейбилизму касаются прежде всего его затруднений с объяснением коммуникативного знания, поскольку не совсем ясно, как в таком случае знание может быть получено благодаря способностям агента. Серьезным вызовом для релейбилизма представляется Новая проблема злого демона [Littlejohn, web].

К респонсибилизму основное возражение сформулировал Э. Соса: «Некоторые считают, что обладание “добродетелью характера” требует мотивации в виде любви к истине самой по себе. Но добродетели, осуществление которых составляет основу знания – гносеологические – требуют не любви, а компетентности. Любящая мотивация не имеет отношения к теории познания или гносеологии; она также не имеет отношения к теории исследования (inquiry) или научного поиска. Знания можно получать вовсе не ради них самих, а только ради их технологической отдачи» [Sosa, 2019, pp. 607–609].

Смешанные концепции пытаются утверждать одновременно ценность обладания истинным убеждением и ценность правильной мотивации, но такая позиция сталкивается с контрпримерами. Интуитивно кажется, что Аристотель, Птолемей и Ньютон были интеллектуально добродетельными, хотя и во многом ошибались.

К общим возражениям можно отнести уязвимость ЭД перед релятивизмом. И релейбилизм, и респонсибилизм ставят эффективность проявления добродетелей в зависимости от контекста. Но есть ли какая-то универсальная шкала, какие-то универсальные критерии, которые определяют, в каком контексте какое свойство является добродетелью? Если нет, то любое интеллектуальное качество будет и пороком, и добродетелью (в зависимости от контекста).

Однако хотелось бы подробнее остановиться на вопросе, который является фундаментальным для ЭД. Почему ценностные категории должны включаться в определение знания? Такая постановка вопроса выводит нас за рамки споров релейбилистов и респонсибилистов, интерналистов и экстерналистов и т.д. и заставляет задуматься об основаниях самой ЭД. И здесь, на мой взгляд, применимы категории из области метаэтики. Это обусловлено тем, что различные эпистемологические теории могут быть смоделированы по образцу моральных теорий [Zagzebski, 1996]. Например, Плантинга отмечает, что эпистемологические концепции Декарта и Локка являются классическим примером деонтологизма в эпистемологии, потому что они напрямую заимствуют категории из деонтологической

этики [Plantinga, 1993]⁷. Напомним, что в аналитической метаэтике еще в начале XX в. была проблематизирована связь ценностных понятий и фактов. Мур, как известно, поставил свой «открытый вопрос» перед любой моральной теорией, которая отождествляет благо с некоторым натуральным свойством. В принципе, различные подходы в ЭД, хоть интернализм, хоть экстернализм, в своих целях, имплицитно соглашаются с общей идеей «реальности» интеллектуального блага и с тем, что мы способны иметь знание о нем. Но если мы говорим, что ЭД – это ценностный анализ эпистемических проблем, то что-то вроде открытого вопроса должно касаться вообще возможности применения этической терминологии к эпистемологии. Это применение требует отдельного объяснения. Обычно эти объяснения основаны на внешнем сходстве некоторых эпистемических и этических проблем. Но сходство не гарантирует, что мы реально говорим об одном и том же. Ведь не существует даже базовой, признаваемой всеми представителями ЭД дефиниции того, что считать интеллектуальной добродетелью (кроме самого общего понятия «превосходного качества ума»). Но может быть, здесь и невозможны такие определения? Может быть, знание не определяемо через благо, как добро не определяемо через факты. Если бы у нас было признаваемое всеми определение эпистемического блага, то философы писали бы другие книги. Это были бы книги в стиле «Правила для руководства ума» (если бы было согласие, например, что эпистемические добродетели есть «заслуживающие восхищения» качества ума в духе Загзебски). В этих книгах бы объяснялось, как развить интеллектуальную открытость или смирение, а не то, почему интеллектуальная открытость или смирение ценны. Если бы мы действительно считали это ценностями, нам бы не требовались объяснения, мы не задавали бы вопроса: «почему интеллектуальная открытость более ценна, чем догматизм?» Тот же вопрос можно адресовать релейбилизму. Релейбилисты в качестве высшей эпистемической ценности объявляют истину, обязанную способности. Но почему это должно быть высшей ценностью? В данном контексте обсуждение проблемы ценности тривиальных истин, обязанных способности, вовсе не случайно. Трудно представить, как эту проблему в принципе можно решить, не выходя за рамки сугубо эпистемологических понятий. А если выйти за эти рамки, то вновь встает проблема «открытого вопроса» Мура.

⁷ По Декарту, мы не должны принимать ничего, что не было бы ясным и очевидным, и т.п.

Каковы на сегодня наиболее перспективные направления исследований в ЭД?

Продуктивными могут быть исследования на стыке с когнитивными исследованиями [Fairweather, 2014]. Также перспективным является обсуждение эпистемических добродетелей в контексте социальной эпистемологии, в частности проблема коллективного познания, эпистемического авторитета и др. [Green, 2017]. Актуальными выглядят исследования интеллектуальных добродетелей и пороков в цифровом обществе [Heersmink, 2018, pp. 1–12]. Понятия добродетелей ума представляют интерес и в контексте религиозной эпистемологии [Zagzebski, 2000].

Особую роль понятия интеллектуальных добродетелей и пороков могут играть для исторической эпистемологии и философии науки. Как отмечает ван Донген, многие ученые использовали категории, характерные для этики и эпистемологии добродетелей, чтобы артикулировать идеалы и стандарты научных исследований: «До начала прошлого столетия язык добродетелей и пороков использовался в качестве основной терминологии для рефлексии над призванием ученого и особенно для описания личности ученого (каким должен быть ученый в терминах качеств, которые следует культивировать или подавлять?). Только в последние десятилетия этот язык уступил языку навыков и компетенций, необходимых для достижения успешных результатов в науке» [Dongen, 2017, p. 81]. Среди интеллектуальных добродетелей можно выделить черты, присущие всем ученым независимо от их специализации: объективность, любовь к истине, интеллектуальное смирение, осторожность, настойчивость, любопытство, надежда⁸ и др. Также можно выделить специфические добродетели и пороки, формирующие дисциплинарную идентичность ученого. Например, в чем специфическая ценность воображения в физике? Какими иными добродетелями оно должно сдерживаться? Чем отличаются интеллектуальные добродетели ученых, работающих в лаборатории, от добродетелей ученых, проводящих полевые исследования в экстремальных условиях? Как отмечает Б. Карстенс, «разница между академическими дисциплинами может быть интерпретирована как различие в следовании добродетелям и/или различие в иерархии добродетелей. Добродетели также могут пересматриваться внутри дисциплины. Последующие исследовательские программы противопоставляются предшествующим в плане предпочтения тех или иных добродетелей» [Karstens, 2017, pp. 4118–4119].

⁸ О роли надежды в изобретении новых технологий см. [Шевченко, 2020].

Заключение

Ценности в каком-то смысле никогда не выпадали полностью из охвата эпистемологии. Они рассматривались в социальном, культурологическом и историческом контексте как часть внешних факторов, которые могут влиять на познание. Активизация дискуссий вокруг нормативности ставит проблему ценностей для эпистемологии не просто в дескриптивном, а в прескриптивном ключе. Учитывая, что в ранний период аналитическая философия представляла собой борьбу против любой нормативности в философии, попытка реабилитации нормативного измерения представляет для нее серьезный вызов. Бремя доказательства лежит на эпистемологии добродетелей, чтобы показать, что этот «ценностный поворот» является обоснованным. Эпистемология добродетелей за последние десятилетия показала себя весьма продуктивной в теоретическом плане: она породила целый ряд концепций, расширила границы и словарь аналитической эпистемологии, предложила новые решения старых проблем и сформулировала ряд новых. Перечисленное, а также все увеличивающееся количество публикаций по этой тематике позволяют с уверенностью констатировать, что эпистемология добродетелей занимает достойное место в современной англо-американской аналитической эпистемологии и имеет хорошие перспективы на будущее.

Выражение признательности

Моя благодарность адресована И.Т. Касавину, чьи труды, а также редакционные замечания по настоящей статье помогли мне приобрести более широкий взгляд на обсуждаемые проблемы. Выражаю признательность моему коллеге по кафедре КФУ М.Г. Хорту за ценные соображения, касающиеся связи эпистемологии и этики.

Список литературы

- Васильев, 2019 – *Васильев В.В.* Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? // *Философский журнал.* 2019. № 1. С. 144–158.
- Долматов, 2018 – *Долматов А.В.* Понятие интеллектуальной добродетели как эпистемической нормы // *The Digital Scholar: Philosopher’s Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа.* 2018. Т. 1. № 4. С. 84–94.
- Каримов, 2019 – *Каримов А.Р.* Эпистемология добродетелей: научная монография / А.Р. Каримов. СПб.: Алетей, 2019. 428 с.

Касавин, 2020а – Касавин И.Т. Парадигма как этика смирения // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 132–138.

Касавин, 2020б – Касавин И.Т. Плот или пирамида: о природе интеллектуального мужества // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 4. С. 5–16.

Касавин, 2020в – Касавин И.Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 56. № 3. С. 6–19.

Карпов, 2019 – Карпов К.В. Эпистемология разногласия и толерантность: к проблеме религиозного разнообразия // Философия религии: аналитические исследования. 2019. Т. 3. № 2. С. 5–17.

Костина, 2020 – Костина А.О. Знание без удачи и успеха: к вопросу об идеалах эпистемологии добродетели // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 143–147.

Прись, 2017 – Прись И.Е. Проблема ценности знания // Философия и культура. 2017. № 5. С. 26–35.

Шевченко А.А., 2016 – Шевченко А.А. Эпистемология и добродетели // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 4. С. 82–92.

Шевченко С.Ю., 2020 – Шевченко С.Ю. Надежда обретенная и изобретенная. Эпистемология добродетелей и гуманитарная экспертиза биотехнологий. М.: Прогресс-Традиция, 2020. 336 с.

Шевченко, Тухватулина, 2020 – Шевченко С.Ю., Тухватулина Л.А. Несвятая простота: эпистемология добродетелей и три стратегии отрицания научного знания // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 109–119.

References

Battaly, 2016 – Battaly, H. “Epistemic Virtue and Vice: Reliabilism, Responsibility, and Personalism”, in: C. Mi, M. Slote & E. Sosa (eds.) *Moral and Intellectual Virtues in Western and Chinese Philosophy*. New York: Routledge, 2016, pp. 99–120.

Brogaard, 2007 – Brogaard, B. “Can Virtue Reliabilism Explain the Value of Knowledge?”, *Canadian Journal of Philosophy*, 2007, vol. 36, pp. 335–354.

Brueckner, 2010 – Brueckner, A. “Skepticism and Closure”, in: J. Dancy, E. Sosa, & M. Steup (eds.), *A Companion to Epistemology*, 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010, pp. 3–12.

Cassam, 2019 – Cassam, Q. *Vices of the Mind*. OUP Oxford, 2019, 224 pp.

Code – Code, L. “Toward a ‘Responsibilist’ Epistemology. *Philosophy and Phenomenological Research*”, 1984, vol. 45, pp. 29–50.

Dongen, Paul, 2017 – Dongen, van J. & Paul, H. *Epistemic Virtues in the Sciences and the Humanities*. Springer International Publishing. Kindle edition.

Dougherty, 2019 – Dougherty, T. “There Are No Epistemic Virtues”, in: H. Battaly. *The Routledge Handbook of Virtue Epistemology*. Taylor and Francis. Kindle Edition, 2019.

Fairweather, Flanagan, 2014 – Fairweather, A. and Flanagan, O. *Naturalizing Epistemic Virtue*. Cambridge University Press, 2014, 279 pp.

Greco, 2010 – Greco, J. *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*. Cambridge University Press, 2010. Kindle Edition.

Green, 2017 – Green, A. *The Social Contexts of Intellectual Virtue: Knowledge as a Team Achievement*. Taylor and Francis, 2017, 246 pp.

Heersmink, 2018 – Heersmink, R. “A Virtue Epistemology of the Internet: Search Engines, Intellectual Virtues and Education”, *Social Epistemology*, 2018, vol. 32:1, pp. 1–12.

Karstens, 2017 – Karstens, B. “‘The Lonely Form Dies’: How Epistemic Virtues Connect Roman Jakobson’s New Science of Language and His Personality”, in: J. van Dongen & H. Paul. *Epistemic Virtues in the Sciences and the Humanities*. Springer International Publishing, 2017. Kindle Edition.

Kvanvig, 2003 – Kvanvig, J.L. *The Value of Knowledge and the Pursuit of Understanding*. Cambridge University Press, 2003. Kindle Edition.

Littlejohn, web – Littlejohn, C. “The New Evil Demon Problem”, *Internet Encyclopedia of Philosophy*. [<https://iep.utm.edu/evil-new/>, accessed on 10.05.2021]

Plantinga, 1993 – Plantinga, A. *Warrant: The Current Debate*. Oxford University Press, 1993, 240 pp.

Pritchard, 2013 – Pritchard, D. “Epistemic Paternalism and Epistemic Value”, *Philosophical Inquiries*, 2013, vol. 1, no. 2, pp. 9–37.

Pritchard, Millar, Haddock, 2010 – Pritchard, D., Millar, A., Haddock, A. *The Nature and Value of Knowledge*. Oxford University Press, 2010, 288 pp.

Roberts, Wood, 2007 – Roberts, R.C., Wood, W.J. *Intellectual Virtues: An Essay in Regulative Epistemology*. Clarendon Press, 2007, 352 pp.

Sosa, 2002 – Sosa, E. “The Place of Truth in Epistemology”, in: M. DePaul and L. Zagzebski (eds.) *Perspectives from Ethics and Epistemology*. Oxford University Press, 2002. Kindle Edition.

Sosa, 2007 – Sosa, E. *A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*, vol. I. Clarendon Press, 2007. Kindle Edition.

Sosa, 2019 – Sosa, E. “Telic Virtue Epistemology”, in: H. Battaly (ed.) *The Routledge Handbook of Virtue Epistemology*. Routledge, 2019. Kindle Edition.

Zagzebski, 1996 – Zagzebski, L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge University Press, 1996, 384 pp.

Zagzebski, 2000 – Zagzebski, L. “Phronesis and Religious Belief”, in: G. Axtell (ed.) *Knowledge, Belief, and Character*. Rowman & Littlefield Pub., 2000, pp. 205–220.

Zagzebski, 2001 – Zagzebski, L. “Recovering Understanding”, in: *Knowledge, Truth, and Duty: Essays on Epistemic Justification, Responsibility, and Virtue*. Oxford University Press, 2001, pp. 235–252.

Zagzebski, 2003 – Zagzebski, L. “The Search for the Source of Epistemic Good”, *Metaphilosophy*, 2003, vol. 34(1/2), pp. 12–28.

Zagzebski, 2017 – Zagzebski, L. “What Is Knowledge?”, in: J. Greco and E. Sosa (eds.) *The Blackwell Guide to Epistemology*. Blackwell Publishing, 2017, pp. 92–116.

Zagzebski, 2018 – Zagzebski, L. “Intellectual Virtues: Admirable Traits of Character”, in: H. Battaly (ed.) *The Routledge Handbook of Virtue Epistemology*. Routledge, 2018. Kindle Edition.